

Глава 42. Деревня Цзюаньлоу 07

Лу Хуэй сжимал в руке потрёпанного игрушечного тигра и размышлял: а что, если жители этой деревни и вправду живут очень, очень долго?

Взять хотя бы этих стариков, которых они видели... Вполне возможно, они прожили уже больше ста, а то и двухсот лет... Может, именно они были теми, кто разделил и съел «Незавидного барана»?

К тому же, среди женщин в деревне, среди этих NPC, кроме самой старухи, они не видели других пожилых женщин.

... Так откуда же взялись их дети?

Сначала родили детей, а потом случилась беда?

Но Цзян Ципэн — явно молодой человек из нынешней эпохи.

Мысли Лу Хуэя путались и неслись вразнобой. Ему казалось, будто он ухватил какую-то нить, но в руках оказался лишь спутанный клубок, который не разорвать и не распутать.

И как раз в этот момент со стороны Мин Чжаолиня раздался оглушительный лязг.

Лу Хуэй и старуха одновременно обернулись и увидели, что он уже распутал «девять колец».

— Это не сложно. — произнёс он.

Старуха рассмеялась:

— Это просто ты умный. А вот А-Юн в детстве как ни бился над ней, ничуть не преуспел. Так злился... Если бы это был не подарок, он бы её точно разбил.

Мин Чжаолинь приподнял бровь и взглянул на Лу Хуэя.

Тот, поймав его взгляд, не выдержал:

— Ты что, ребёнок? Чему тут радоваться-то?

Мин Чжаолинь отвёл взгляд:

— Если разобраться, возможно, так и есть.

У него не было воспоминаний о прошлом, и приходилось отсчитывать время по меркам игрового мира. В Утопии же не существовало понятия времени — смена дня и ночи была нужна лишь для удобства отдыха.

Память Мин Чжаолинь мог измерять лишь количеством пройденных инстансов.

А по времени, проведённому в инстансах, не набиралось и года.

... И впрямь дитя.

Лу Хуэй промолчал.

Старуха смотрела на них и вновь рассмеялась:

— Вы, детки, так хорошо друг с другом ладите.

Лу Хуэй: «?»

Мин Чжаолинь: «?»

Кто с кем хорошо ладит? У них что, слуховые галлюцинации?

Старуха погрузилась в воспоминания:

— У А-Юна тоже был близкий друг. Они вместе выросли, и были очень дружны.

Поскольку это, вероятно, была важная часть сюжета, Лу Хуэй и Мин Чжаолинь не стали заикливаться на словах старухи об их дружбе. Лу Хуэй спросил:

— А что было потом?

Старуха вздохнула, но в её словах сквозило некоторое отрешённое спокойствие:

— «К чему вспоминать, что были близки когда-то? Встречаясь вновь, друг в друге чужих мы находим». □

Лу Хуэй слегка приподнял бровь.

Значит... Возможно, А-Юн защищал «Незавидного барана», а его друг хотел его съесть?

Или же друг А-Юна и был «Незавидным бараном»?

Старуха добавила:

— Раз уж вы, детки, так дружны, так и держитесь вместе. Что бы ни случилось, какие бы трудности ни встретились, преодолевайте их сообща.

Она протянула руку к Лу Хуэю. Тот инстинктивно подал свою.

Старуха взяла её, а затем протянула руку к Мин Чжаолиню.

Мин Чжаолинь: «?»

Лу Хэй подсказал:

— Лапу.

Мин Чжаолинь уже собирался выпалить «С чего бы мне подчиняться?», но Лу Хуэй, не меняя своей сидячей на корточках позы, выбросил ногу и лягнул его.

Мин Чжаолинь: «?»

НРС сказала, что мы дружны, и ты тут же поверил?

Лу Хуэй мысленным усилием призвал карту, зажал её между пальцев и помахал ею:

— Хочешь взглянуть?

Наживку кидает, что ли?

Мин Чжаолинь фыркнул.

И подал старухе свою «лапу».

Старуха, довольно улыбаясь, положила их руки одна на другую. Лу Хуэю почему-то почудилось, что сейчас она скажет что-то вроде «живите душа в душу» — возможно, сказало влияние дорам.

Старуха произнесла странные слова, которых ни Лу Хуэй, ни Мин Чжаолинь не поняли.

Но прежде, чем они успели спросить, старуха добавила:

— Когда братья единокоренны, они скалу пробьют.

... Хорошо ещё, что не «главное — чтобы у вас лад был, а остальное приложится».

Рука Мин Чжаолиня лежала поверх руки Лу Хуэя, прижатая рукой старухи. Мин Чжаолиню было несколько неловко, но он, закусив губу, потерпел.

Потому что он почувствовал, как Лу Хуэй покрылся мурашками — тот ощущал ещё больший дискомфорт.

Что ж.

Отлично.

Мин Чжаолинь не гнушался тактики «врагу урон в тысячу, себе — в восемьсот».

Когда старуха убрала руку, они оба, словно от удара током, мгновенно отдёргнули свои.

Но оба при этом подумали — не наложила ли она на них какой-то странный бафф?

Например, когда они сражаются плечом к плечу, их характеристики повышаются, или же босс ослабевает?

Всё это выглядело слишком уж странно.

Лу Хуэй с Мин Чжаолинем не задержались здесь надолго. Старуха сказала, что ей нужно вздремнуть, и они воспользовались этим, чтобы попрощаться.

Перед уходом Лу Хуэй застыл на пороге убогого двора и оглянулся на старуху.

Он увидел, как она, согнувшись, поднимает ящик с игрушками. Внутри дома было темно, и он не мог разглядеть её выражения лица.

Только мысли Лу Хуэя на мгновение уплыли куда-то далеко, задумавшись о том, не были ли они тогда такими же...

Щелчок пальцев раздался у самого его уха, выдернув Лу Хуэя из гнетущих глубин его размышлений.

Лу Хуэй взглянул на Мин Чжаолиня. Тот склонил голову набок и неспешно убрал руку: «?»

Лу Хуэй двинулся вперёд и снова призвал карту, протянув её Мин Чжаолиню.

Его способность считалась использованной только при активации карты. В остальное время он мог хоть постоянно вертеть её в руках, призывая и отзывая по желанию.

Мин Чжаолинь взял карту, убедившись, что не ошибся, когда Лу Хуэй мельком показал её ему ранее. Хотя изображение было стилизовано под мангу, на ней был изображён тот самый «человек», которого Лу Хуэй призвал из ниоткуда у входа в деревню.

«Человек», очень похожий на него самого.

Мин Чжаолинь провёл пальцами по карте, ощущая её превосходное качество. Перевернув её, он увидел чёрный фон, золотую рамку, а также красные узоры и иероглиф «Огонь» (火). Всё это создавало ощущение зловещности, но в то же время отстранённой святости.

Словно... демоническое божество.

— Твоя способность? — задумчиво вертя карту в руках, спросил Мин Чжаолинь.

Лу Хуэй промычал в знак подтверждения и в шутку добавил:

— Разглядел что-нибудь интересное?

Конечно же, нет.

Но Мин Чжаолинь не вернул карту Лу Хуэю, а продолжил играть с ней:

— Если захочешь её использовать, как это сделать?

Лу Хуэй не стал скрывать:

— Достаточно позвать его по имени. Можно и мысленно. Главное — пожелать, чтобы он появился.

Мин Чжаолинь приподнял бровь:

— У него есть имя?

Лу Хуэй снова промычал и протянул к нему руку.

Мин Чжаолинь, к удивлению, понял его намёк — речь шла не о том, чтобы вернуть карту, а о том, чтобы подать свою руку.

Вот сейчас он с «лапой» определился быстро.

Лу Хуэй тихо усмехнулся и начал выводить символ на его ладони.

Кончики его пальцев были прохладными. Ладонь Мин Чжаолиня была покрыта мозолями, и когда пальцы скользили по ним, ощущалась жёсткость, да и самой ладони становилось щекотно.

Боль он не чувствовал, но щекотку — вполне.

Пальцы Мин Чжаолиня слегка сжались:

— ... Янь (□)?

Лу Хуэй опять промычал и убрал руку:

— Он весь из огня, потому и выбрал такое имя.

Мин Чжаолинь насмешливо поднял брови:

— Довольно метко.

Он взял карту Лу Хуэя и сразу же попробовал:

— Янь.

Он действительно желал, чтобы Янь появился, но карта не отреагировала, отчего действия Мин Чжаолиня выглядели слегка по-детски.

Но сам Мин Чжаолинь не чувствовал неловкости. Он убрал руку, не особо удивлённый, но с налётом некой недосказанности:

— Использовать её можешь только ты.

Обычно такие «внешние» способности чем-то напоминают предметы, и оказавшись в чужих руках, их можно применить, если знать способ использования.

Потому в этом игровом мире, когда некоторые игроки классифицируют способности по уровням, в самой общей категории подобные «предметные» способности ставят на первое место.

Ведь для их применения не всегда нужны собственные силы. Не говоря уже о том, можно ли доверять попутчикам в инстансе, но по полезности они определённо ценнее способностей, которые может использовать только сам владелец.

Поэтому некоторые в игровом мире открыто набирают команды, оговаривая при сборе группы, что игроки с «внешними» способностями могут получать большую долю наград от инстанса, в зависимости от полезности способности.

В этом игровом мире существуют отряды, составленные из игроков, которые вместе проходят инстансы. Лу Хуэй писал и о таких группах, где отношения очень тесные, члены безоговорочно доверяют друг другу и даже готовы отдать жизнь.

— Я впервые вижу такую способность. — заметил Мин Чжаолинь.

Лу Хуэй как раз и хотел, чтобы Мин Чжаолинь попробовал, сможет ли он её использовать. И теперь проверив, Лу Хуэй утвердился в своих догадках.

«Карточный альбом Бога Творения»?..

Лу Хуэй опустил взгляд, его голос прозвучал лениво:

— Так же, как только мне в этом мире известно твоё происхождение.

Он слегка повернул голову:

— Ты, наверное, уже давно понял, что я особенный.

Мин Чжаолинь ни подтвердил, ни опроверг это, вместо этого вернул ему карту и с многозначительным видом спросил:

— И ты вот так просто рассказал мне о своей способности?

Лу Хуэй не стал играть с ним в психологические игры, вроде «откуда тебе знать, что это моя единственная способность», а серьёзно посмотрел на Мин Чжаолиня:

— Я знаю о твоей способности, поэтому рассказал тебе о своей.

Помимо этого, Лу Хуэй также помнил тот момент у входа в деревню, когда Мин Чжаолинь искренне хотел обменяться с ним информацией, но он сам не смог дать ему желаемого.

Он ведь не мог сказать Мин Чжаолиню, что тот — персонаж из написанного им романа, что всё его существование — вымысел, порождённый его собственными фантазиями и ожиданиями...

Лу Хуэй примерил ситуацию на себя: если бы ему однажды сказали, что он всего лишь персонаж книги, что всё вокруг — ложь, что перенесённые страдания, его характер — всё выдуманно, и даже то, что он «человек», соответствует ожиданиям автора... Он бы сломался.

Поэтому... Лу Хуэй не мог ответить на ту искренность, что Мин Чжаолинь проявил тогда, да ещё впервые, и мог предложить свою искренность только сейчас.

Лу Хуэй смотрел на Мин Чжаолиня и спокойно произнёс:

— Я с самого начала не собирался становиться твоим врагом.

Если честно, если бы не провальное начало в санатории, когда он увидел Мин Чжаолиня привязанным к кровати, да ещё в такой унижительной позе... и если бы их не связали принудительно отношениями, навязанные инстансом, то они с Мин Чжаолинем сейчас, если и не стали бы друзьями, то уж точно не пытались бы убить друг друга при встрече?

Хотя, не факт. Как говорится, два тигра на одной горе не способны ужиться. Они с Мин Чжаолинем... и впрямь похожи на двух таких тигров. Борьбы между ними не избежать.

* 一山不容二虎 (yīshān bùróng èrhǔ) - «на одной горе двум тиграм не жить», идиома означающая, что два сильных лидера не могут сосуществовать в одном пространстве.

Но Лу Хуэй всё же хотел сказать:

— Если представится возможность, я бы хотел стать с тобой напарниками.

Мин Чжаолинь смотрел на него с бесстрастным лицом, но в персиковых глазах таились и оценивающий взгляд, и тёмные, неясные чувства.

Они так и застыли на дороге, пока Лу Хуэй не услышал, как Мин Чжаолинь усмехнулся:

— И скольким ты уже повторял эти слова?

«?»

Лу Хуэй отвечал твёрдо и решительно:

— Я говорил это только тебе!

Но Мин Чжаолинь ему ни капли не верил:

— Разве ты не приглашал Чжу Люй вступить в твой отряд, когда встретил её?

Лу Хуэй: «?»

Он широко раскрыл глаза:

— Откуда ты знаешь, что я встречал Чжу Люй?

В Утопии не существовало понятия времени, поэтому Лу Хуэй сразу подумал: неужели Чжу Люй, выйдя из того инстанса, попала в предыдущий инстанс Мин Чжаолиня?

Но разве Чжу Люй была из тех, кто стал бы рассказывать Мин Чжаолиню о его приглашении? Она же его так ненавидела, и ни за что бы не стала с ним болтать!

Выходит, Чжу Люй встретила Мин Чжаолиня в инстансе, рассказала, что видела его, Лу Хуэя, а теперь Мин Чжаолинь выведывает, не звал ли он её в команду.

Лу Хуэй смотрел на Мин Чжаолиня:

— Твоя выволочка удалась.

Мин Чжаолинь снова тихо усмехнулся:

— А-Мань, знаешь, как обычно называют такое поведение, как у тебя?

— ... Разве что «влюбляться в каждого встречного»?

Лу Хуэй совершенно не видел в этом проблемы:

— Вы с Чжу Люй очень сильны, поэтому я и хочу создать с вами команду. Что здесь такого?

Мин Чжаолинь бросил на него взгляд:

— И зачем ты так спешишь собрать команду?

Лу Хуэй не удивился его пронизательности, и лишь произнёс:

— Это секрет.

Он и вправду несколько спешил с созданием команды.

И он понимал, что такая реакция Мин Чжаолиня означала отказ от перемирия.

Что ж.

Быть противником Мин Чжаолиня тоже неплохо.

.

Они вернулись в дом Ян Цяньфаня. По дороге Лу Хуэй внимательно осматривал жителей и действительно, кроме той старухи, не видел других пожилых женщин.

Вернувшись, Ци Бай тут же продемонстрировал свои находки:

— Брат!

Он окликнул и Мин Чжаолиня:

— Брат Мин.

Мин Чжаолинь даже не взглянул на него, но Ци Бая это не задело.

Яо Хаохао была вместе с Ци Баем. Хотя она не любила Мин Чжаолиня и опасалась Лу Хуэя, с таким простодушным простаком, как Ци Бай, она чувствовала себя спокойнее.

Они прошли в комнату Лу Хуэя. Яо Хаохао зашла последней и по пути прикрыла за собой дверь. Лу Хуэй смотрел на это с лёгким недоумением.

Почему его комната вдруг стала совещательной?

Лу Хуэй не стал сразу спрашивать об их находках, а поинтересовался:

— А где остальные?

Ци Бай:

— Ло Е? Они ушли искать зацепки.

Но по дороге Лу Хуэй и Мин Чжаолинь их не встретили.

Впрочем, ничего особенно странного в этом не было, деревня была немаленькой, а улицы — запутанными, легко было разминуться.

Ци Бай достал свой телефон:

— Брат, я следил всё время. По крайней мере, пока я наблюдал, они не трогали рюкзак Лю Ханя.

Он открыл галерею и протянул телефон Лу Хуэю.

Лу Хуэй кивнул, взял телефон, и тут же Мин Чжаолинь с совершенно естественным видом приблизился, чтобы посмотреть.

Лу Хуэй бросил на него взгляд. Мин Чжаолинь склонил голову набок, изображая непонимание.

Лу Хуэй хотел было сказать: «Раз ты не хочешь быть моим напарником, так чего глазеешь?», но передумал и позволил Мин Чжаолиню подойти ближе.

Ци Бай, боясь упустить какую-нибудь деталь, поэтому снимал очень подробно, из-за чего было много бесполезных кадров. Но Лу Хуэй на этот счёт ничего не сказал.

Он терпеливо пролистывал снимки один за другим и наконец остановился на изображении с камнем.

Лу Хуэй ткнул Мин Чжаолиня локтем.

Мин Чжаолинь не боялся боли, но чувствительность у него была. Он с наигранным видом тихо вскрикнул, будто ему сделали больно, заставив Лу Хуэй смотреть на него с неммым укором.

Если не делать акцент на том, чувствовал ли Мин Чжаолинь боль, этот удар был совсем слабым, так лёгонький тычок.

Мин Чжаолинь изобразил невинное выражение лица. Лу Хуэй подумал, что этот парень тоже мог бы получить «Оскар»:

— Смотри на фото, хватит притворяться.

— Вижу.

Мин Чжаолинь действительно не понимал, почему Лу Хуэй так развязно с ним обращается. Но он также не знал, что любой игрок, прошедший с ним несколько инстансов, оказавшись на его месте, тоже бы удивился, почему Мин Чжаолинь вообще позволяет Лу Хуэю так с собой обращаться.

Мин Чжаолинь лениво протянул:

— Я не слепой.

Яо Хаохао, бросив взгляд издали, дала понять, что уже просматривала эти снимки заранее:

— Этот какой-то не такой, как обычные булыжники.

На фото, где остановился Лу Хуэй, был запечатлён овальный камень. Очень гладкий, размером примерно с ладонь, чёрно-красного цвета, с едва заметными странными прожилками, похожими на трещины. Но камень был цельным, а узор — неявным, заметным лишь при очень внимательном рассмотрении.

Лу Хуэй подтвердил:

— Мы с Мин Чжаолинем видели такой в другом месте.

В доме старухи, в ящике с игрушками А-Юна, лежал точно такой же камень, использовавшийся как подпорка.

Находясь там, Лу Хуэй даже поднимал его и вертел в руках, подумав, что тот, кто его хранил, явно очень его любил — поверхность была гладкой, почти без шероховатостей, что говорило о частом контакте с руками.

Неужели роль Лю Ханя как-то связана со старухой?

Или же это просто намёк на то, что у Лю Ханя были и другие причины для посещения этой деревни?

Лу Хуэй просмотрел остальные фотографии, но ничего примечательного не нашёл.

Роль Лю Ханя - «исследователь», поэтому наличие защитного снаряжения и инструментов для выживания в дикой природе было обычным делом.

Лу Хуэй вернул телефон Ци Баю, задумчиво сказав:

— Нам нужно снова навестить её.

Необходимо выяснить, был ли этот камень уникальной вещью А-Юна или же такие встречаются где-то ещё в деревне.

Яо Хаохао:

— Прямо сейчас?

Лу Хуэй покачал головой:

— Сейчас её, наверное, уже не застать. Она сказала, что пойдёт вздремнуть.

Он взглянул на время:

— Ещё рано, ходим после полудня.

.

Определившись со временем, они дождались обеда, и Ян Цяньфань снова приготовил им еду.

Но Ло Е и другие так и не вернулись.

Хотя они знали, что среди тех могли быть нечистые на руку, Ци Бай и Яо Хаохао всё же забеспокоились:

— Как бы с ними чего не случилось?

Лу Хуэй опустил взгляд, его выражение лица стало отстранённым:

— Если и случится, вы ничего не сможете поделать.

Ци Бай и Яо Хаохао замолчали.

Обед, приготовленный Ян Цяньфанем, был довольно обильным, и на этот раз без баранины. Хотя мясное блюдо присутствовало, в миске явно была курица — виднелись голова, лапы и потроха.

Вот только... он по случайности приготовил ровно на пятерых.

Их четвёрка плюс он сам — как раз пять.

Порции для Ло Е и его компании предусмотрено не было.

Поэтому, прежде чем взять палочки, Лу Хуэй спросил:

— Дядюшка, вы знали, что Ло Е и другие не вернуться на обед?

Ян Цяньфань промычал:

— Чжицян мне сказал.

Лу Хуэй склонил голову набок:

— Чжицян?

— Деревенский кузнец, он же и слесарь, — неспешно пояснил Ян Цяньфань. — Он сказал мне, что оставил троих парней поесть у себя.

Слесарь...

Лу Хуэй, не подавая вида, взял палочки и, накладывая еду, с небрежным видом продолжил беседу:

— Дядюшка, а все замки в вашей деревне местной работы?

Ян Цяньфань:

— Ага. В этих местах магазинов нет, а люди извне не хотят сюда доставлять товары.

Он не сказал ничего о том, чтобы они сами выезжали.

— Вот и полагаемся на взаимопомощь между односельчанами.

Лу Хуэй:

— Значит, все замки в деревне делает один человек?

Ян Цяньфань:

— Вся его семья. У Чжицяна с его семьёй самые лучшие замки.

— Крепкие, надёжные... Без ключа никто не откроет.

Это звучало как похвала, но Лу Хуэю почудилось в этих словах что-то зловещее.

Словно... за ними скрывалась какая-то история.

Конечно, возможно, всё дело было в том, что сам Ян Цяньфань был слишком «деревянным», оттого и возникало неприятное ощущение.

Лу Хуэю неудобно было спрашивать Ян Цяньфаня о гардеробе — в конце концов, обычный человек не станет рыться в чужом шкафу, а потом спрашивать, почему он на замке.

Поэтому Лу Хуэй просто в шутку заметил:

— Такой надёжный? Даже болгаркой не распилить?

Неожиданно Ян Цяньфань ответил:

— Ага.

«...»

У вас в доме замок или боевое оружие, если даже болгарка не берёт?

Обед прошёл в молчании, наступившем после этого «ага».

Лу Хуэй съел две миски риса, Мин Чжаолинь — четыре. Их аппетит оказался настолько заразителен, что даже Яо Хаохао, у которой с утра после бараньей лапши совсем не было желания есть, в итоге справилась с целой миской.

Закончив трапезу и немного расслабившись, Яо Хаохао не удержалась от комментария:

— Если из этого инстанса не получится выбраться за несколько дней, вы же все запасы риса в этом доме оприходуете.

Лу Хуэй жестом предложил ей взглянуть.

Яо Хаохао не поняла, но тут Лу Хуэй просто взял и схватил Мин Чжаолиня за запястье, закатал ему рукав, обнажив скрытое под тканью мускулистое предплечье:

— Смотри на эти мускулы. Четыре миски — это он ещё себя сдерживал. Так что не придирайся.

Они все уже заметили, что с Лу Хуэем Мин Чжаолинь и впрямь ведёт себя по-другому.

Он и вправду проявлял к нему удивительную снисходительность.

Даже когда Лу Хуэй взял его за руку, он лишь лениво приподнял веки, не предпринимая никаких ответных действий.

Яо Хаохао скользнула взглядом по руке, не осмелившись задержать его дольше.

Мин Чжаолинь же слегка пошевелился, мышцы напряглись, демонстрируя красивый, чёткий рельеф. Слово он специально подыгрывал Лу Хуэю.

Лу Хуэй отпустив его, поправил ему рукав, и поднялся:

— Пошли.

Будучи сытыми и довольными, можно было браться за дело, а именно навестить старуху.

Когда Лу Хуэй и Мин Чжаолинь добрались до дома старухи, дверь была заперта.

Лу Хуэй вежливо постучал и подождал некоторое время, но старуха так и не появилась.

Видимо, либо не хочет никого видеть, либо куда-то вышла.

Ничего не поделаешь, придётся заняться другим делом.

Найти оставшихся игроков.

Просто по дороге Лу Хуэй и Мин Чжаолинь снова столкнулись с Цзян Ципэном.

Увидев их, Цзян Ципэн тоже немного удивился, но больше обрадовался:

— Гуляете?

Он тепло поприветствовал их:

— Как вам тут, привыкаете?

Лу Хуэй ответил:

— Ничего, вот только петухи у вас очень рано будить начинают.

Цзян Ципэн рассмеялся:

— В деревне это обычное дело.

Лу Хуэй сделал небольшую паузу, потом словно что-то вспомнив, спросил:

— Кстати, а в вашей деревне есть такие камни?

Он жестами описал камень, не особо надеясь на успех, но, к своему удивлению, Цзян Ципэн кивнул:

— Есть.

Он сказал:

— Но, если вы хотите такой найти, сейчас не получится. Такие есть только в одном месте в горах. Но в такой густой туман даже мой отец, если бы повёл вас, заблудился бы.

Лу Хуэй приподнял бровь:

— Твой отец хорошо ориентируется на местности?

Цзян Ципэн рассмеялся:

— Он у нас лучший охотник в деревне, часто остаётся в горах. Знает, что где находится.

Лу Хуэй смотрел на него задумчиво. Неужели Цзян Ципэн... и вправду всего лишь NPC?

Он спросил:

— А этот камень что, какой-то особенный?

Цзян Ципэн на мгновение задумался:

— ... Да вроде нет. Не слышал, чтобы он чем-то выделялся.

Лу Хуэй с наигранным удивлением произнёс:

— Он выглядит таким необычным, что я уж подумал, что это какая-то редкая руда.

— Если уж говорить об особенностях... то одна есть. — сказал Цзян Ципэн. — Но она не связана с самим камнем.

Он продолжил:

— Просто эти камни находятся рядом с алтарём.

— С алтарём?

— Ага. Ещё с давних времён остался, сейчас уже заброшен.

Цзян Ципэн на мгновение погрузился в воспоминания:

— Точно не знаю, правда ли это, только слышал слухи. Говорят, раньше в наших горах был алтарь, чтобы общаться с божеством. Но пользоваться им могла только жрица. Говорят, раньше его использовали, чтобы вымолить дождь, или, когда другие бедствия случались, например, сели. Говорят, было очень эффективно.

Его слова «очень эффективно» означали, что алтарь считался действенным.

И жрица...

Лу Хуэй:

— А ты знаешь, какому именно божеству поклонялись?

Обычно, даже когда молят о явлении божества, должно же быть какое-то имя у этого бога.

Цзян Ципэн покачал головой:

— Этого я не знаю. Я спрашивал родителей, но они запрещают говорить на эту тему.

Он вздохнул:

— Лично я думаю так...

Он понизил голос:

— Возможно, все те случаи, когда молитвы действовали, были просто совпадениями. Потом случилось какое-то особо крупное бедствие, помолились божеству — не помогло. И тогда наши предки либо решили, что бог их покинул, либо обвинили его самого. В общем, сейчас в деревне запрещено упоминать прежнего бога. Вы живёте в доме дяди Фаня, наверное, заметили, что его домашний алтарь пуст. У нас дома тоже пустой алтарь, и родители запрещают мне спрашивать или говорить об этом.

Лу Хуэй приподнял бровь:

— А в вашей деревне раньше случались большие бедствия?

Цзян Ципэн смущённо улыбнулся:

— Это лишь моё предположение. В основном потому, что мне всегда казался этот запрет довольно странным.

Станным — это точно, Лу Хуэй не отрицал.

Но и Цзян Ципэн... этот NPC тоже был довольно странным.

А что ещё важнее, в его присутствии Лу Хуэй постоянно ощущал необъяснимое чувство знакомства.

Словно дежа вю.

... Неужели опять Хамелеон?

Хотя вряд ли.

Хамелеон не оставался бы таким спокойным при виде Мин Чжаолиня. По им же написанному сюжету Мин Чжаолинь по незнанию чуть не убил Хамелеона, так что при виде Мин Чжаолиня Хамелеон, как бы хорошо не притворялся, его тело всё равно бы вспомнило боль переломанных конечностей.

Если только на этот раз Хамелеон не принял облик игрока со способностью [Актёрское мастерство]. Но обычно способность игрока, в которого превращался Хамелеон, в инстансе раскрывалась максимально — это была его «пассивная способность». Какая польза от [Актёрского мастерства] в этом инстансе...

Лу Хуэй не мог понять.

К тому же, интуиция ему подсказывала, что это не Хамелеон.

И разве у этих игроков не было «чутья на старожилов»? Если бы Цзян Ципэн и вправду был таким сильным игроком, Мин Чжаолинь не мог бы не почувствовать. Мин Чжаолинь тоже считал Цзян Ципэна подозрительным, но не говорил, что чувствует в нём игрока.

Если только Мин Чжаолинь намеренно не скрывает это.

... Что ж, на такое Мин Чжаолинь был способен.

Лу Хуэй на мгновение замолчал.

Его ресницы дрогнули. Отбросив множество версий, он в итоге остановился на той, что считал маловероятной.

Неужели?

Опять наткнулся?

Существо вроде Ду Цинляня и У Линьжуя?

Цзян Ципэн, словно что-то вспомнив, сказал:

— Кстати, ещё в детстве, я слышал такую историю....

Он продолжил:

— Говорили, уезжающие из деревни всегда брали с собой такой камень, как талисман. А божество наделяло этот камень своей силой, защищая уехавших соплеменников. Но теперь, когда в бога не верят, обычай исчез... А вы откуда узнали об этом камне?

Хороший вопрос.

Лу Хуэй без тени смущения ответил:

— Один мой друг был здесь проездом, подобрал такой камень и хвастался нам. Если честно, у меня с детства привычка собирать разные необычные камни. Я предложил ему за этот камень хорошие деньги, но он не согласился. Пришлось самому приехать поискать.

Цзян Ципэн с удивлением на лице воскликнул:

— Эта вещь ничего не стоит! Дождитесь, пока туман рассеется, и я свожу вас туда, насобираете сколько надо. Хоть целую телегу — никто и слова не скажет. Раньше, конечно, так нельзя было, родители говорили, что даже сторожа ставили. А сейчас... Алтарь совсем забросили, туда даже детям запрещают ходить играть, боятся, что там водятся ядовитые змеи.

Действительно ли они боятся, что их змеи покусают, или у алтаря есть и другие секреты?

Лу Хуэй счёл это весьма многозначительным.

Он договорился с Цзян Ципэном, после чего тот сказал, что мать зовёт его по делам, и ушёл.

— ... Его мать ещё жива. — только когда тот ушёл, мрачно произнёс Лу Хуэй. — Значит, в этой деревне есть и другие пожилые женщины, кроме жрицы.

Почему же они не показываются?

Неужели они думают, что [Незавидный баран] — это женщины?

Но ведь речь о молодых женщинах.

Мин Чжаолинь же думал о другом:

— Этот NPC... кажется странным.

Сработала его интуиция:

— Кажется, я его где-то видел?

Лу Хуэй удивился:

— У тебя тоже такое чувство?

В глазах Мин Чжаолиня вспыхнул интерес:

— Но я не помню это лицо... Игрока, способного так хорошо притворяться NPC, я не мог не запомнить. Разве что, он умеет не только притворяться, но и менять лицо.

Лу Хуэй подумал: Хамелеон, ты здесь? Хамелеон, тебя зовут.

Мин Чжаолинь задумчиво посмотрел на него:

— А-Мань, среди игроков есть кто-то с похожей способностью?

Лу Хуэй подтвердил:

— Есть.

Мин Чжаолинь был предельно проницателен:

— Ты его знаешь.

— ... Знаю. — сказал Лу Хуэй. — А вообще, ты его тоже знаешь. Видел его, просто не в курсе.

Мин Чжаолинь: «?»

Он слегка прищурился:

— Это было до или после потери памяти?

— Ты его знаешь, и в то же время нет.

Лу Хуэй искренне ответил:

— Потому что вы, великий босс, вероятно, вообще не обратили на него внимания, ведь он был вами побеждён.

Мин Чжаолинь понял намёк. Он тщательно перебрал в памяти игроков, которые противостояли ему и проиграли, — и действительно, он почти никого не мог вспомнить.

Из всех игроков, которых Мин Чжаолинь встречал, ярче всего в памяти отпечатался Лу Хуэй. На втором месте были Ци Бай и Яо Хаохао, потому что они близки с Лу Хуэем, и он присматривался, нет ли в них чего-то загадочного. Далее шла Чжу Люй — из-за её способности он немного попал впросак и даже думал, не забрать ли её, но потом понял, что, используя способность, она плохо контролирует себя, а Мин Чжаолинь не любил чувство потери контроля.

На одном уровне с Чжу Люй были Вэнь Юаньшуй и Мэй Тин. Они были напарниками, и в связке их способности создавали серьёзные проблемы.

Воспоминания Мин Чжаолиня о Мэй Тине, стоявшем на третьем месте, были ярче, чем о Вэнь Юаньшуйе, потому что Мэй Тин был человеком его склада. Жаль только, что на его шее висел замок Вэнь Юаньшуя — иначе было бы ещё интереснее.

И далее, далее...

«Весы Правосудия»

Мин Чжаолинь невзлюбил его.

Он не сталкивался с ним в инстансах, но видел в Утопии.

Мужчина, с головы до ног пропитанный праведностью, выглядел раздражающе.

От остальных у него и правда не осталось впечатлений.

Так что неважно, назвал бы Лу Хуэй имя или нет — он всё равно не вспомнил бы.

Лу Хуэй:

— К тому же, с его-то психологической травмой из-за тебя, он не смог бы так сыграть.

Тогда откуда это чувство знакомства?..

Недоумевал Мин Чжаолинь.

В инстансе нужно уметь отбрасывать неясные мысли.

В любом случае, первоначальная цель их вылазки была достигнута, пора переходить ко второй.

— Сначала найдём того слесаря.

.

Жители деревни Цзюаньлоу, хоть и были «деревянными», но отвечали почти на все вопросы. Из-за этого погружение в деревню хоть и было сильным, но при этом возникало ощущение некоей игровой искусственности. Или же...

Лу Хуэй, узнав, где живёт Ян Чжицянь, не удержался и взглянул на густой белый туман и небо, сливающееся с ним на горизонте.

Такое чувство, будто они на сцене.

Всё предопределено заранее.

Когда они добрались до дома Ян Чжицяня, того не оказалось дома, и дверь была заперта.

Плохая новость: Лу Хуэй попробовал взломать, но не вышло, сработал тот самый бафф «сделанные им замки не открываются без ключа».

А хорошая новость: Мин Чжаолинь, побродив вокруг, каким-то образом забрался на второй этаж, проник через незапертое окно и спустился вниз, чтобы открыть дверь Лу Хуэю.

Лу Хуэй: «.»

Он медленно зашёл в темноту, думая, что Мин Чжаолинь временами похож на сверхчеловека.

Дом Ян Чжицяня тоже выглядел запущенным. Такой же неперемный пустой алтарь в главном зале, похожий на крышку гроба, но кое-что отличалось.

Лу Хуэй, глядя на свежие подношения, слегка прищурился:

— Это не похоже на простую формальность.

Фрукты были очень свежими.

Мин Чжаолинъ ничего не сказал, вместо этого легонько подпрыгнул, и ухватился одной рукой за край высоко висящей жертвенной полки.

Честно говоря, Лу Хуэй даже испугался, что тот сейчас обрушит весь алтарь, но, к его удивлению, полка оказалась очень прочной.

Мин Чжаолинъ взглянул и спрыгнул вниз:

— На алтаре вырезаны символы.

Лу Хуэй повернулся:

— Что написано?

— ... Символы.

— Какие символы?

Мин Чжаолинъ с каменным лицом:

— Я не знаю их.

Лу Хуэй: «...?»

Мин Чжаолинъ попытался сохранить достоинство:

— Но я могу их написать.

Он не попросил руку Лу Хуэя, а достал из кармана ручку и вывел два иероглифа на своей ладони, после чего показал ему.

Лу Хуэй: «...»

Мин Чжаолинъ поднял бровь:

— Что это?

Лу Хуэй молча отплыл в сторону:

— Кстати, в доме слесаря наверняка должны быть ключи от гардероба? Может, поищем их? Я помню примерную форму бороздок.

Он посветил на замок фонариком.

Мин Чжаолинь усмехнулся:

— Ты тоже не знаешь.

Лу Хуэй цыкнул:

— Мы оба не знаем, так что нечего кидать друг в друга камни, ладно? Я же говорил, что не учился в школе, а эти явно не обычные упрощённые иероглифы...

Однако он ткнул пальцем:

— Но мне кажется, вот этот похож на традиционный «𠄎» (хуань, радость). Может, это какое-то заклинание? А этот рядом... не встречал. Но половину этого иероглифа я знаю, это, кажется, «𠄎» (кэ, возможность)?

Лу Хуэй вспомнил, как старуха звала «А-Юна», мгновенно провёл параллель, и они с Мин Чжаолинем сказали хором:

— А Хуань?

Авторское послесловие:

Прим. 𠄎: «𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎» («К чему вспоминать, что были близки когда-то?») из «Песни о лютне» Бо Цзюйи.

Следующая строка «𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎» («Встречаясь вновь, друг в друге чужих мы находим») — из интернет-источников.

* Первая строка —

𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 (Xiāng féng hé bì céng xiāng shí) — принадлежит классическому поэту эпохи Тан Бо Цзюйи (𠄎𠄎, 772–846) и взята из его знаменитой поэмы 𠄎𠄎𠄎𠄎 («Песнь о лютне» или «Баллада о пипе»). В оригинале полный контекст звучит так: «𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎, 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎» - «Мы оба — изгнанники у края неба; разве обязательно знать друг друга, чтобы встретиться?»

Эта строка выражает глубокую эмпатию и философское принятие случайной, но трогательной встречи между двумя незнакомцами, разделёнными судьбой.

** Вторая строка —

再見君情已陌路 (Zài jiàn jūn qīng yǐ mò lù) — не является частью оригинального текста Бо Цзюйи. Это современное, интернет-созданное продолжение, написанное в стиле классической поэзии. Она переводится примерно, как: «Вновь встретив тебя, мой друг, мы уже чужие»

Эта строка отражает ностальгию и горечь утраты былой близости, часто используемую в современной поэзии, песнях или литературе, особенно в контексте расставаний или изменений во времени.

<http://bllate.org/book/12898/1133636>